

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

PHILOSOPHY AND CULTURAL STUDIES

УДК 821.161.0
ББК 85.37:83.3(2)

Ирина Анатольевна Едошина

Костромской государственный университет, доктор культурологии, профессор кафедры истории, Россия, Кострома, e-mail: tettixgreek@yandex.ru

Культурфилософия леса в одноименной пьесе А.Н. Островского

Аннотация. Впервые пьеса А.Н. Островского «Лес» анализируется в аспекте культурфилософии, что определяет ее актуальность. Обозначенная проблема исследуется с помощью целого ряда методов, из которых наиболее значимыми являются аналитический, историко-культурный при общем культурфилософском подходе к пониманию сущности и смыслового поля феномена «лес». На основе статей А.А. Григорьева излагаются мировоззренческие представления драматурга, определяемые как органическое развитие жизни общества. Рассматривается основное значение и смысловое поле такого природного и культурного феномена, как «лес», приводятся наиболее значимые для обозначенной проблематики примеры из античной, итальянской, народной культур, а также свидетельства современников драматурга. Выбор примеров обоснован знанием А.Н. Островским иностранных языков, что позволило ему, в том числе, заниматься переводческой деятельностью, а также изучением писателем народной культуры, что нашло отражение в языке и фабулах его пьес. Подробно анализируется пьеса «Лес», выявляются все смысловые оттенки в использовании слова «лес», их функции в характеристике действующих лиц, развитии фабулы, интриги. Уточняются философские и социокультурные смыслы «леса» как феномена русской жизни. Специальное внимание уделяется символистским тенденциям в пьесе, которые вписываются в общие искания времени не только жизни драматурга, но и позднее. Методологической основой авторских размышлений является онтологизм в его утверждении реальности скрытых сущностей бытия в их предметном выражении. На этом основании осуществляется культурфилософский подход к пьесе А.Н. Островского «Лес», что позволило выявить всю сумму смыслов в значении слова «лес», структурировать эти значения, определить их место в развитии фабулы, показать их роль в формировании характеров персонажей. Кроме того, именно культурфилософский подход к феномену «леса» позволил увидеть скрытый символизм пьесы, что вписывает «Лес» А.Н. Островского в творческие искания эпохи конца XIX века.

Ключевые слова: лес как природный и культурный феномен, органика бытия, культурфилософский подход, историко-культурный контекст, фабула, онтологизм бытия, символистские тенденции в драме

Edoshina Irina Anatolyevna

Kostroma State University, Advanced PhD (Culturology), Professor, Professor of the Department of History, Russia, Kostroma, e-mail: tetixgreek@yandex.ru

The cultural philosophy of the *Forest* in the Eponymous Play by A.N. Ostrovsky

Abstract. For the first time, “The Forest” by A. N. Ostrovsky is analyzed in the terms of cultural philosophy, which determines its relevance. The problem in question is investigated using a number of methods, the most significant being the analytical, historical-cultural method using a general cultural-philosophical approach to understanding the essence and semantic field of the phenomenon of “forest”. On the basis of the articles by A.A. Grigoriev, the author outlines the worldview of the playwright, defined as the organic development of community life. The main meaning and semantic field of such a natural and cultural phenomenon as “forest” are considered, and the most significant examples relevant to the given problem, drawn from ancient, Italian and folk cultures, as well as testimonies from the playwright’s contemporaries, are brought forward. The choice of examples is explained by A. N. Ostrovsky’s knowledge of foreign languages, which allowed him, among other things, to be engaged in translation activities, and also to study authors writing about folk culture. All that was reflected in the language and plots of his plays. The article presents a detailed analysis of “The Forest” and reveals all the semantic shades in the use of the word “forest”, their functions in the description of the characters and the development of the plot. The philosophical and socio-cultural meanings of the “forest” as a phenomenon of Russian life are clarified. Special attention is paid to the symbolist tendencies in the play, which fit into the general pursuit of time, not only in the life of the playwright, but also later. The methodological basis of the author’s reflections is ontologism, meaning here the reality of the hidden essences of being in their objective expression. On this basis, the cultural-philosophical approach to A. N. Ostrovsky’s play “The Forest” allowed to reveal all the meanings of the word “forest”, to structure these meanings, to determine their place in the development of the plot and to show their role in the formation of the characters’ personalities. In addition, it was the cultural-philosophical approach to the “forest” phenomenon that allowed to see the hidden symbolism of the play, which makes “The Forest” by A. N. Ostrovsky an object of the research on the late XIXth century.

Keywords: forest as a natural and cultural phenomenon, organic nature of being, cultural and philosophical approach, historical and cultural context, plot, ontology of being, symbolist tendencies in drama

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.2.143-159

*Какое хорошее название!
Какой замечательный образ
рисуется в душе читателя
при произнесении слова Лес!*

В.Г. Сахновский. Театр А.Н. Островского

Увидев «Лес» А.Н. Островского на сцене, И.С. Тургенев признается в письме к Полине Виардо, что он очень любит эту пьесу, но не понимает, «по-

чему она называется “Лес”»¹. Попробуем ответить на вопрос И.С. Тургенева, обратившись сначала к художественно-мировоззренческой позиции А.Н. Островского, впервые сформулированной А.А. Григорьевым, современником и соратником драматурга.

В статье 1856 года «О правде и искренности в искусстве. Письмо к А.С. Х[омяко]ву» Аполлон Григорьев указывает на глубинную связь искусства с жизнью, но не в плане ее устройства по заданным идеологемам, а как «выражение жизни»: «...создания искусства столь же живы и самобытны, как явления самой жизни, так же рождаются, а не делаются, как рождается, а не делается все живое» [2, с. 63]. Именно с этих позиций, являясь «выражением жизни и вместе разъяснением и оразумлением жизни»², пьесы А.Н. Островского – *новое слово* в литературе.

Лес как явление природное идеально вписывается в собственно жизнь. Более того, за время существования человечества «лес» стал пониматься много шире, нежели сугубо природный феномен. Сложные отношения явления бытия и его содержания образуют систему взаимосвязанных объективаций, наиболее адекватно постигаемых с позиции культурфилософии.

В данном случае «лес» – это феномен бытия, данный человеку и получающий в процессе его деятельности различные объективации. В античном сознании «лес» понимается в сугубо практическом проявлении – как дрова. Потому в одной из римских пословиц «лес» – это то, что мгновенно исчезает: *momento fit cinis, diu silva*. Переосмысление слова «лес» произойдет в философии. Так, Аристотель в «Метафизике» определяет словом «лес» (ὄλη) первоначало всего³. Латинский аналог греческому понятию *materia* принадлежит Цицерону, который в «Учении академиков» мыслит физику как сложение двух начал – движущей силы (*effectio*) и материи, создаваемой этой движущей силой⁴.

Данте увидел в «лесе» символ грехов, обступающих человека со всех сторон, когда «*del mezzo del cammin di nostra vita / Mi ritrovai per una selva os-*

¹ См.: Смирнова Л. Примечания к пьесе «Лес» // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3 / ред. тома В.Я. Лакшин. М.: Искусство, 1974. С. 534 [1].

² См.: Григорьев А.А. Современное состояние драматургии и сцены // Григорьев А.А. Эстетика и критика / вступ. статья, сост., примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 363 [3].

³ В «Метафизике» Аристотеля читаем: «...ἐτέραν δὲ τὴν ὄλην καὶ τὸ ὑλοκεῖμενον...» [4, 983a] (в переводе А.В. Кубицкого: «другой причиной мы считаем материю и лежащий в ее основании субстрат» [5, с. 23]). См. также уточнение этого перевода А.В. Лебедевым: Лебедев А.В. «Метафизика» // Античная философия: Энциклопедический словарь / редколл.: П.П. Гайдено (председатель), М.А. Солопова (ответственный редактор) и др. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 486–487 [6].

⁴ См.: Цицерон Марк Туллий. Учение академиков / пер. Н.А. Федорова; коммент., вступ. статья М.М. Сокольской. М.: Индрик, 2004. С. 10 [7]. А в юношеском сочинении «О нахождении» (*De inventione*) Цицерон, изначально ссылаясь на Аристотеля, использует оба понятия – и лес, и материя: «...quandam silvam atque materiam universam ante permixtū et confuse exponere omnium argumentationum...» [8; I, 34] (в весьма витиеватом современном переводе: «... словно некоего рода древесный материал, которого берутся все доказательства», чтобы «научить, каким образом каждый род дел следует укреплять этим общим способом аргументации» [9, с. 40]).

cura, / *Chè la diritta via era smarrita*)⁵. В русских сказках «лес» это всегда преграда, которую нужно либо преодолеть, либо воздвигнуть, бросив за спину, например, гребень для волос, как в сказке «Ведьма и Солнцева сестра» из собрания А.Н. Афанасьева⁶. Лес – непреодолимая преграда, быстро его не пройти по причине множества деревьев и кустарников. Лес как тьма в древнерусском исчислении находит отражение, например, в сказке «Федор Водович и Иван Водович» из собрания Н.Е. Ончукова: «У царя народу как темного лесу»⁷.

Окраина леса – пограничье между миром людей и населяющими лес мифологическими существами, стремящимися нанести вред человеку. В сказке «Василиса Прекрасная» из собрания А.Н. Афанасьева мачеха переезжает в дом, возле которого «был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого к себе не подпускала и ела людей, как цыплят»⁸. Когда героиня по воле мачехи отправляется к бабе-яге, то ей приходится идти «всю ночь и весь день», и только к следующему утру она выходит «на полянку, где стояла избушка бабы-яги: забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо дверей у ворот – ноги человечесьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами»⁹. Баба-яга, живущая в лесу, словно его олицетворяет, являясь наглядным примером противостояния леса и человека, готовности леса поглотить человека.

Размышляя о существовании этих отношений, И.Е. Забелин, с которым драматург был знаком, писал: «Человек пришел в эти леса, болота (русский). Он должен был устроиться сообразно условиям, какие представляла природа страны. Он должен был создать себе такое, а не другое жилище, одежду, найти пищу, создать себе промысел, занятие, верование, убеждение, образовать свою мысль, свое чувство, вкусы по таким именно, а не другим явлениям жизни и природы» [15, с. 252]. По существу, И.Е. Забелин подходит к «лесу» как предмету культуры в ее исходном значении – «возделывание». Преобразованный человеком «лес» становится «домом» (деревней, селом, городом) и посаженной растительностью (деревьями) вокруг него или рядом, то есть «садом» (парком). Обретаемые «лесом» историко-культурные смыслы (объективации) расширяют

⁵ См.: Dante A. *La Divina Commedia. Inferno*. Roma: Fratelli Spada Editore, 2004. S. 13 [10] (в переводе Д. Минаева: «Когда-то я в годину зрелых лет / В дремучий лес зашел и заблудился. / Потерян был прямой и верный след» [11, с. 5]).

⁶ См.: *Ведьма и Солнцева сестра* // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 1 / изд. подгот. Л.Г. Барг и Н.В. Новиков. М.: Наука, 1984. С. 111 [12].

⁷ См.: *Федор Водович и Иван Водович* // Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: Тропа Троянова, 1998. С. 74 [13].

⁸ См.: *Василиса Прекрасная* // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 1 / изд. подгот. Л.Г. Барг и Н.В. Новиков. М.: Наука, 1984. С. 128 [14].

⁹ Там же. С. 129.

его основное содержание, формируя сложное, многоуровневое понятие, чем и воспользовался А.Н. Островский.

Уже в первом явлении первого действия «лес» включается драматургом в состав фабулы:

А к с ю ш а (*глядя в окно*). Продала Раиса Павловна лес?

К а р п. Продали Ивану Петрову. Всё продаем-с, а чего ради?

А к с ю ш а. Не хочет, чтоб наследникам осталось; а деньги можно и чужим отдать [16, с. 251].

Аксюша, племянница Гурмыжской, видит в продаже леса свою будущую обездоленность, и она, как мы узнаем далее, не ошибается. Хотелось бы обратить внимание на ремарку «глядя в окно», через которую она, скорее всего, видит действительный лес – деревья, кустарник, травы, и ее собственное будущее вдруг соединяется с этим лесом, представляя в самом мрачном свете. Далее именно с деньгами от продажи леса будет связан один из нюансов драматической коллизии в жизни Аксюши.

Через «лес» раскрывается характер действующих лиц пьесы. Например, Гурмыжская по словам Бодаева, «лес продает, строевой, береженный, первому плуту»¹⁰. Современник А.Н. Островского писатель С.Т. Аксаков в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» (1851 г.) видит в лесу *особый мир*, описывает разные породы деревьев в уникальности «общей красоты зеленого, могучего лесного царства, свободно растущего в свежести, сумраке и тишине»¹¹. Не забывает он и о строевом лесу, рассказывая о его составе и объеме, с грустью замечая: «И этот лес ... эту красу земли, прохладу в зной, жилище зверей и птиц, лес, из которого мы строим дома и которым греемся в долгие жестокие зимы, – не бережем мы в высочайшей степени. Мы богаты лесами, но богатство вводит нас в мотовство...» [17, с. 236]. А.Н. Островский и С.Т. Аксаков были хорошо знакомы, читали сочинения друг друга. Ко времени написания «Леса» С.Т. Аксакова уже давно не было на этом свете, но чуткому к слову А.Н. Островскому вряд ли могли забыть его роскошные описания лесной красоты и та боль, что испытывал писатель от вида даже одного срубленного дерева.

Общественно-политический аспект в значении «леса» подчеркивается А.И. Журавлевой и С.М. Макеевым: драматург «к деятельности гурмыжских и восмибратовых относился вполне определенно. <...> Речь ведь идет не о какой-то цивилизованной лесопромышленности, лесном хозяйствовании и т.д. <...> Но речь о разорении и разворовывании, приобретающем национальные масштабы, и именно хозяйка лесного поместья Гурмыжская с ее постыдными прихотями, к своей земле относящаяся не лучше, чем к своей воспитаннице

¹⁰ См.: Островский А.Н. Лес // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3 / ред. тома В.Я. Лакшин. М.: Искусство, 1974. С. 260 [16].

¹¹ См.: Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. Разряд IV. Лес // Аксаков С.Т. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5 / под общ. ред. С. Машинского. М.: Правда, 1966. С. 231 [17].

Аксюше, – причина и источник этого зла и воровства в стране, где леса и земли на добрую долю состояли из таких вот поместий с их хозяевами» [18]. Но, заметим, не будь «таких вот поместий с их хозяевами», в истории отечественной культуры никогда бы не появился феномен русской усадьбы, словесный венок которой создал погибший в советских застенках А.Н. Греч, видевший в усадьбах «памятники искусства и быта, мысли и образы, вдохновлявшие русскую поэзию, литературу, музыку, общественную мысль»¹². А.Н. Греч стремился хотя бы в слове сохранить память о разоряемой, уничтожаемой захватившими власть большевиками усадебной культуре.

В пьесе А.Н. Островского Гурмыжская одновременно расточительна и совершенно равнодушна к лесу как природному явлению. Она, как и Восмибратов, «купец, торгующий лесом», продает лес, причем зная, что он будет срублен подчистую, что называется на вывоз:

В о с м и б р а т о в. <...> ... ведь уж я лес-то срубил и вывез...

<...>

П е т р (*читает*). ...на сруб лес в пустошах: Горелой и Палёной...

В о с м и б р а т о в. Они самые-с.

П е т р (*читает*). ...и две десятины в Пылаевой... [16, с. 290, 291].

Безжалостно, между делом, ни для чего, кроме денег, уничтожаемый «строевой, береженный» лес вносит в драматическую коллизию пьесы особую ноту, которую можно соотнести с авторской позицией. Как свойственно драматургу в целом, он выражает ее опосредованно. Ко времени написания пьесы он уже давно владеет усадьбой Щельково, окруженной со всех сторон лесом. В статье «Деревня», включенной в его дневниковые записи 1848 года, когда он впервые приезжает в эти места, А.Н. Островский признаётся: «И тогда природа мне делается понятней, все мельчайшие подробности ... теперь оживляются и просят воспроизведения. Каждый пригорочек, каждая сосна, каждый изгиб речки – очаровательны ...» [20, с. 359]. Человеку, так глубоко и тонко чувствующему красоту природы, ее уничтожение не может быть безразлично. Но ему, скорее всего, важны даже не собственные чувства или их выражение, а указание на самый факт безжалостной вырубki леса, который был характерен отнюдь не только для России. Драматург представил лишь частный случай общего процесса.

В этом процессе есть еще один важный нюанс: «лес» – неявный символ гибели красоты в мире, гармонии и радости. Потому в пьесе нет *счастливых* людей, может быть по этой же причине актеры носят фамилии, образованные от слова «счастье»: «<...> он – Несчастливцев, я – Счастливцев, и оба пьяни-

¹² См.: Греч А.Н. Венки усадьбам / вступ. статья, коммент. Л.Ф. Писарьковой, М.А. Горячевой. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 22 [19].

цы»¹³. Но эти слова произносит актер-комика, трагик уточняет: «Несчастлив тот, кто угождать и подличать не умеет»¹⁴.

Счастье менее всего соотносится с сытостью, об этом свидетельствует история пребывания Счастливецова у своих родственников:

Счастливцев. <...> Встают в четыре часа, обедают в десять; спать ложатся в восьмом часу; за обедом и за ужином водки пей, сколько хочешь, после обеда спать. И все в доме молчат, Геннадий Демьяныч, точно вымерли. <...>

Несчастливцев. Чего ж тебе лучше?

Счастливцев. Оно точно-с, я было поправился и толстеть уже стал, да вдруг как-то за обедом приходит в голову мысль: не удавиться ли мне? Я, знаете ли, потрянул головой, чтоб она вышла, погода немного опять эта мысль, вечером опять. Нет, вижу, дело плохо, да ночью и бежал из окошка [16, с. 278].

Бежать через окошко от судьбы – давняя традиция русской литературы, идущая от Н.В. Гоголя, подхваченная А.Н. Островским. Не менее известным является и вопрос о том, «кому живется весело, вольготно на Руси». Некрасовские мужики, кстати, также не соотносят представление о счастье с сытостью, иначе им дальше Пролога, где появляется скатерть-самобранка, незачем было бы идти. В процитированном выше эпизоде из пьесы «Лес» почти весь будущий А.П. Чехов неразвернуто бытийствует¹⁵.

«Береженный» лес в его первозданной красоте соотносится со счастьем, но этот лес уничтожается – остаются *пеньки* в самых разных смыслах. Этимологически слово «пень» – это «ствол дерева», правда, бывшего дерева. Потому слово «пень» является родственным следующему ряду: «посох, палка, дубина», «доска», «куча дров»¹⁶. Напомню еще раз, что значение «куча дров» является одним из самых древних – восходит к античности¹⁷. И, конечно, оно могло быть известно драматургу, превосходно владевшему латинским языком еще со времени своей юности.

В диалоге Гурмыжской с Восмибратовым открывается еще одна важная сторона в значении слова «лес» – место искушения, греха и его сокрытия:

Гурмыжская. <...> Не купишь ли у меня еще участок лесу?

Восмибратов. Да чтоб уж вам весь его продать. Куда вам его беречь-то!.. Ведь с лесом, сударыня, поверите ли, только грех один; крестьянишки во-

¹³ См.: Островский А.Н. Лес // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. С. 305.

¹⁴ Там же. С. 287.

¹⁵ См. подробнее: Едошина И.А. Поэтика отрицания: Островский, Чехов, абсурдизм // А.П. Чехов и А.Н. Островский. По материалам Пярых международных Скафтымовских чтений (Москва, 3–5 ноября 2017 г.): сб. науч. работ / науч. ред. Е.И. Стрельцова. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2020. С. 359–382 [21].

¹⁶ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. III (Муза-Сят). СПб.: Терра-Азбука, 1996. С. 233 [22].

¹⁷ См.: Библихин В.В. Лес. СПб.: Наука, 2011. С. 14–16 [23].

руют, - судись с ними. Лес подле города, всякий беглый, всякий бродяга приста- нище имеет, ну и для прислуги тоже, для женского пола... Потому как у них грибной интерес и насчет ягоды, а выходит совсем напротив.

Г у р м ы ж с к а я. Нет, я весь теперь не продам; что за имение без леса! Некрасиво. Может быть, со временем... а ты купи этот участок, что ближе к городу.

В о с м и б р а т о в. Хошь я теперь и не при деньгах, а отчего ж не купить, коли сходно продавать будете [16, с. 262].

Мелькнувший мотив красоты «леса» ничего не меняет в этом торге. Хотя без леса усадьба теряет свою привлекательность, но деньги играют решающую роль – и лес будет продан. Вопрос в одном – в цене. В этом же ряду оказывается и цена человеческой судьбы – судьбы Аксюши. Восмибратов сватает за нее своего сына, но при этом просит «тысячки на четыре лесу на разживу»¹⁸ будущей семье. Так лес и человеческая судьба объединяются в цене – четыре тыся- чи. Но Гурмыжская отвечает Восмибратову отказом, сообщив, что Аксюша уже просватана. И затем она вновь возвращается к теме «леса»:

Г у р м ы ж с к а я. <...> Поговорим о лесе. Купи, Иван Петрович!

В о с м и б р а т о в. Не при деньгах, не при деньгах-с [16, с. 263].

В итоге они, конечно, договорятся, ибо деньги важнее всех обид: Гур- мыжская за три тысячи продаст «на сруб лес», но получит из них только две. Восмибратов ее обманет, отомстив таким образом за отказ в сватовстве, что лишало его возможности заполучить бесплатно леса на четыре тысячи:

В о с м и б р а т о в. <...> Лес я у вас купил, деньги вам отдал, вы мне распи- сочку дали; значит, лес мой, а деньги ваши. Теперь поклон да и вон <...>

Г у р м ы ж с к а я. Что же это такое? Денной грабеж! Удивительное дело, ниче- го-то мне в жизни не удалось ни купить, ни продать, чтоб меня не обманули. <...> [16, с. 292].

Признание в неудавшейся жизни звучит пророчески, но ничему не учит Гурмыжскую: она по собственной воле выйдет замуж за никчемного Буланова, который ее, конечно, просто разорит и, скорее всего, затем бросит. Пеньки – это судьба не только леса, но и его владелицы.

Мотив порубленного леса отзывается в названии усадьбы Гурмыжской – «Пеньки». Рядом с указательным столбом – «широкий, низенький пень, за столбом, в треугольнике между дорогами, по вырубке мелкий кустарник не выше человеческого роста»¹⁹ – вот и все, что осталось от бывшего здесь ко- гда-то леса. Именование усадьбы словно предрекает такое же будущее и

¹⁸ См.: Островский А.Н. Лес // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. С. 262.

¹⁹ Там же. С. 268.

оставшемуся лесу. Судьба человеческая вторит этому небытию, когда Петр признается: «Я и то уж по лесу-то хожу, да все на деревья посматриваю, который сук покрепче»²⁰. Мотив возможного самоубийства (повеситься или утопиться) объединяет Петра и Аксюшу, усиливает драматический оттенок их чувств.

В пьесе две пары влюбленных: Петр и Аксюша, Гурмыжская и Буланов. Это характерный прием в драматургии А.Н. Островского, никогда не стремящегося к однозначности фабулы, следуя самой жизни, сотканной из оттенков и их смыслов. Переливчатость бытия находит здесь отражение в указанной условной парности. При всем различии пары объединяет не только мотив любви, но еще и мотив денег. У Петра и Аксюши нет требуемых отцом Петра денежных средств, являющихся неременным условием их женитьбы. У Гурмыжской, наоборот, есть деньги, чтобы приобрести мужа в понравившемся ей молодом человеке. В обоих случаях деньги, а не чувства играют решающую роль в женитьбе. Однако есть и разница. Если Петр и Аксюша – невольные заложники денег, то Гурмыжская и Буланов вполне осознанно мотивируют деньгами свою будущую семью. Но драматург дает еще одну пару – актерскую, тоже крепко завязанную на деньгах, вернее, на их отсутствии. Кроме того, говорящие фамилии актеров подспудно словно проецируют ситуации влюбленных пар: невозможность счастья Аксюши и Петра (Несчастливцев) и, наоборот, возможность брака Гурмыжской и Буланова (Счастливец). Но законы сценического искусства таковы, что несчастье может обернуться счастьем и наоборот, что мы и наблюдаем в пьесе, наполненной скрытыми смыслами.

Знаменательная встреча двух актеров – трагика Несчастливцева и комика Счастливецца – произойдет у столбов-указателей с расположенным рядом пнем, напоминающем о бывшем здесь ранее лесе. Трагик усядется на пень, а комик пристроится рядом. И тут выяснится, что трагик приходится племянником Гурмыжской по мужу, и они отправляются в усадьбу «Пеньки».

Эта дорога – от пня в «Пеньки» – символична. Несчастливцев отправляется на встречу со своей прошлой жизнью в этих местах, но *тех* мест уже давно нет, остались одни пеньки. И актеру придется познать всю горечь утраты своих тайных надежд: увидеться со своей теткой, которой он все время посылал подарки, о которой думал и в которой видел единственного родного человека. «Пеньки» символизируют разрушение семейных связей, трагическую потерю искренности родственных чувств, а ведь именно на семье обустроивалась вся русская жизнь. Семья была основанием этой жизни, о чем свидетельствуют жития, представляющие идеальный образ семейных отношений, например житие Петра и Февронии Муромских. Но в XVIII столетии жития ушли на периферию русского сознания. В образованной части обще-

²⁰ См.: Островский А.Н. Лес // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. С. 270.

ства их заменила литература сугубо светского содержания, чтобы в итоге (в наше время) превратиться в то, что римляне именовали как *litterae mortuae* (мертвые буквы).

О символизме пьесы А.Н. Островского «Лес» писал в свое время А.Ф. Лосев, тонко подмечая, что символизм этот заложен уже самим автором в названии. Вот почему «в «Лесе» Островского с точки зрения реалистической образности никаких лесов не изображается»²¹. Но о лесах немало говорится. Вопрос заключается в том, как говорится и что понимается. «Лес» в своем предельном обобщении является мыслимой категорией, неким эйдосом человеческого рая. Но именно так (причем в действительности) воспринимал сам драматург свое Щельково, окруженное со всех сторон лесом, прорезанное живописными оврагами и сверкающей на солнце лентой реки. Он уезжал в Щельково, как в другую жизнь, милую в своей незатейливости и простодушности. Именно здесь, в Щелькове, он будет работать над пьесой «Лес», полагая закончить к концу сентября. По разным обстоятельствам пьеса будет завершена уже в Москве. Но задумывалась-то, постепенно складывалась фабула будущей пьесы именно в Щелькове, рядом с лесом, в хождении по его тропинкам, под шелест листьев и пение птиц.

Однако Островский не был бы Островским, если бы не видел и других оттенков в понимании леса как феномена бытия. Так, в разговоре Несчастливцева с лакеем Гурмыжской Карпом обнаруживается еще одно значение «леса»: «Какая наша жизнь, сударь! Живем в лесу, молимся пенью, да и то с ленью» [16, с. 285]. «Лес» символизирует непроходимую дремучесть текущей здесь человеческой жизни. Оттенок дремучести человеческого сознания угадывается в пафосном поздравлении Милонова, обращенном к будущим жене и мужу – Гурмыжской и Буланову, где звучит мотив природы: «Возьмем самые изящные сочетания в природе, и что мы видим? Суровый гранит и меланхолический плющ, несокрушимый дуб и нежную повилику. И теперь перед нашими глазами: непоколебимая добродетель, житейская мудрость, укрепленная опытом, в союзе с нежной, молодой отраслью благородного питомника» [16, с. 332]. Милонов словно забывает, что в природе «изящные сочетания» являются естественными, отражают многообразие ее форм.

Предстоящее замужество немолодой женщины, годящейся в матери будущему мужу, выглядит, с точки зрения той же природы, противоестественным. Никакой добродетели или мудрости в решении Гурмыжской нет, как нет ничего благородного в недоучившемся юнце, который видит в будущей жене источник дохода, что позволит ему жить на широкую ногу. Дремучесть сознания этих людей, не желающих задуматься о последствиях их союза, сродни непроходимому лесу. И Несчастливцев задается вопросом: «И в самом деле, брат

²¹ См.: Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / сост. и подгот. текста А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого. М.: Русский Мир, 2014. С. 171–172 [24].

Аркадий, зачем мы зашли, как мы попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братец, спугнули сов и филинов? Что им мешать! Пусть их живут, как им хочется! Тут все в порядке, братец, как в лесу быть следует. Старухи выходят замуж за гимназистов, молодые девушки топятяся от горького житья у своих родных: лес, братец» [16, с. 337]. Но далее происходит своеобразный кульбит через цитирование Шиллера, где звучит мечта «остервенить против этого адского поколения всех кровожадных обитателей леса»²². Таким образом, «лес» оказывается символом не только греха, но и наказания.

Пожалуй, до «Леса» подобного рода работы со словом у драматурга не было. Совсем неслучайно он писал «Лес» с августа по середину декабря 1870 года – около пяти месяцев. Напомню, что ближайšie по времени написания пьесы занимали много меньше времени: «На всякого мудреца довольно простоты» была написана за месяц (начало сентября 1869–7.10.1869), «Бешеные деньги» – менее чем за три месяца (25.10.1869–18.01.1870), «Не все коту масленица» – около месяца (10.03. 1871–9.04.1871), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» – за полтора месяца (16.09.1871–13.11.1871). Потом семь месяцев пройдет от замысла до полного написания «Трудового хлеба», но эта длительность была обусловлена разными обстоятельствами, заставлявшими А.Н. Островского отвлекаться от работы над пьесой.

Думается, «Лес» знаменует начало пути драматурга к пьесе «особого рода» – «Бесприданнице», первые задумки которой относятся к ноябрю 1874 года, а полностью пьеса будет завершена лишь 17 октября 1878 года. Если рассматривать «Лес» в движении А.Н. Островского к новым формам драматургической выразительности, то вполне оправдано появление несценических элементов в ремарках, на что обратил внимание Ю.В. Доманский. По его мнению, такого рода ремарки отражают авторскую позицию и сближают драму с эпосом²³. Не отрицая этого положения, все-таки обратим внимание на некоторые нюансы. Ремарка к первому действию начинается так: «Усадьба Гурмыжской, в верстах пяти от уездного города»²⁴. За этим предложением угадываются невидимые очертания пока еще существующего леса, который видит Аксюша через окно. Лес есть то, что реально можно увидеть, но одновременно лес есть и то, чего увидеть нельзя, как нельзя представить на сцене хотя бы в каком-то приближении. Даже если задник расписать лесом, то это будет всего лишь его знак, но никак не собственно лес. Из ремарки ко второму действию несценичны следующие фрагменты: «Лес; две неширокие дороги... <...> ...по вырубке мелкий кустарник не выше человеческого

²² См.: Островский А.Н. Лес // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. С. 337.

²³ См.: Доманский Ю.В. Некоторые наблюдения над ремарками оформления сцены в комедии «Лес» // Щельковские чтения 2006. В мире А.Н. Островского: сб. статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина. Кострома: Авантитул, 2007. С. 101 [25].

²⁴ См.: Островский А.Н. Лес // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. С. 250.

роста. Вечерняя заря»²⁵. А.Н. Островский был знатоком театрального ремесла и прекрасно понимал, что на сцене никак не изобразить две дороги с кустарником между ними (исключая, конечно, рисованный задник), не говоря уже о вечерней заре. И все-таки он вводит этот текст в ремарку. Как справедливо подмечает Ю.В. Доманский, и две дороги, и заря передают некое пограничное состояние между днем и ночью, светом и тьмой, предвещая нечто «странное, непредсказуемое, неподвластное человеческой воле»²⁶. Иными словами, вновь возникает нечто неявленное, что обладает, тем не менее, бытием. Но ведь такова природа символа, всегда свидетельствующего именно об этом.

Как заметила Н.И. Ищук-Фадеева, «лес – красота и богатство средне-русской полосы России – здесь становится предметом купли-продажи, как обыкновенная вещь» [26, с. 159]. Собственно, в такой же ситуации окажется Лариса в «Бесприданнице», в обоих случаях речь идет именно о красоте как идеальном образе бытия. Красота дадена миру, но не усвоена им, потому и лес, и позднее Лариса погибнут. Но это будет потом, а пока лес еще бытийствует в своей первозданной красоте.

А.Н. Островский в письме к Ф.А. Бурдину называл «Лес» *сильной пьесой*²⁷. Он с огромным удовольствием и с не меньшим успехом читал ее в разных домах, будучи в Петербурге. Подал пьесу на Уваровскую премию, которой, увы, не получил. И дело не только в том, что в А.Н. Островском видели бытописателя и критика купеческой жизни, как не без основания утверждается в обзорах откликов современников на эту пьесу²⁸. Просто прочитываемый в пьесе символизм еще не был освоен русской культурой и только намечен, может быть, чисто интуитивно А.Н. Островским в «Лесе». Скрытый символизм пьесы связан с сущностью символа как такового, который не сочиняется (как это будет в творчестве старших символистов в лице, например, В.Я. Брюсова), а, по определению дружившего с младосимволистами Павла Флоренского, является, в данном случае – в «лесе». И здесь имеет смысл вновь вспомнить слова Аполлона Григорьева о том, что пьесы А.Н. Островского суть *выражение и осмысление* жизни. А жизнь не замыкается только тем, что человек способен воспринимать чувственно или физически. Потому, замечает исследователь, «среди современных литературных явлений Григорьев особенно выделял те, в которых обитали *таинственные существа (жизнь, жизненный процесс, живые силы)*, – драматургию А.Н. Островского,

²⁵ См.: Островский А.Н. Лес // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. С. 268.

²⁶ См.: Доманский Ю.В. Некоторые наблюдения над ремарками оформления сцены в комедии «Лес». С. 98.

²⁷ См.: Письмо А.Н. Островского к Ф.А. Бурдину от 17 апреля 1871 г. // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 11 / ред. тома В.Я. Лакшин. М.: Искусство, 1974. С. 349 [27].

²⁸ См.: Смирнова Л. Примечания к пьесе «Лес» // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. С. 535–536; 28, 85–86.

поэму “Тишина” Н.А. Некрасова, “Дворянское гнездо” И.С. Тургенева, “Записки из Мертвого дома” Ф.М. Достоевского» [29, с. 108].

Лес как символ языка используется С.В. Максимовым в книге «Крылатые слова» (1899 г.). Островский и Максимов были хорошими знакомцами, их роднил интерес к живому (крылатому) русскому слову. Но Максимов намного пережил драматурга и застал расцвет символизма в отечественной культуре, что находит свой след в его размышлениях: «Углубляясь в дремучий и роскошный лес родного языка, богатого, свежего и ясного, на этот раз, конечно, довелось пробраться лишь по опушке... Любознательные пусть не скучают тем, что им придется, по примеру русского мужика ... углубиться в давно прошедшие времена и побывать в местах весьма глухих и отдаленных» [30, с. XIV; 31, с. 8]. Если у Данте дремучий лес символизирует человеческие грехи, то у Максимова такой же лес – символ обилия устойчивых (крылатых) выражений, повсеместно используемых. Но история их рождения покрыта тайной, которая сохраняется в глубинах русской истории. Потому Максимов стремится представить крылатое слово в его настоящем и прошлом одновременно. Кстати, лингвисты, современники Максимова, именно этого, символистского по своей сути замысла его не поняли, подвергнув книгу резкой критике. Делая при перепубликации книги Максимова обзор этой критики, Н.С. Ашукин, будучи пусть и в прошлом, но все же писателем, не может пройти мимо символа «леса»: «Уводя читателя “в дремучий и роскошный лес родного слова”, Максимов, нередко сбиваясь с пути, плутает по этому лесу»²⁹. Плутания автора, по мысли Н.С. Ашукина, обусловлены исключительно сочувственным отношением Максимова «к коренной старине»³⁰ досоветской деревни.

Когда в 1919 году В.Г. Сахновский будет разрабатывать концепцию «Госпоказа», он пригласит в качестве интеллектуальной поддержки поэтов-символистов Вяч. Иванова и Ю. Балтрушайтиса, а среди пьес, избранных для постановки, будет «Лес» А.Н. Островского. Пребывающему на грани бытия/небытия обществу эта пьеса драматурга окажется созвучной. Обществу, пребывающему на грани бытия/небытия, именно эта пьеса драматурга окажется близкой.

Мир в своих основаниях онтологичен, а потому скрытые сущности бытия столь же реальны, как и их предметное выражение. Культурфилософия позволяет увидеть предмет в единстве основного значения и сформировавшихся в результате его бытийствования смыслов, что открывает широкие возможности в процессе постижения искусства в целом и драматургии А.Н. Островского в частности.

²⁹ См.: Ашукин Н.С. О книге С.В. Максимова // Крылатые слова по толкованию С. Максимова / послесл. и примеч. Н.С. Ашукина. М.: ГИХЛ, 1955. С. 392 [32].

³⁰ Там же.

Список литературы

1. Смирнова Л. Примечания к пьесе «Лес» // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 3 / под ред. В.Я. Лакшина. М.: Искусство, 1974. С. 531–545.
2. Григорьев А.А. О правде и искренности в искусстве // Григорьев А.А. Эстетика и критика / вступ. статья, сост., примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 51–116.
3. Григорьев А.А. Современное состояние драматургии и сцены // Григорьев А.А. Эстетика и критика / вступ. статья, сост., примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 361–376.
4. Αριστοτέλης. Μετά τα φυσικά. Αθήνα: Πόλις, 2009 (σειρά: «Αρχαίοι Φιλόσοφοι»). 356 σ.
5. Аристотель. Метафизика / пер. и примеч. А.В. Кубицкого. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 348 с.
6. Лебедев А.В. «Метафизика» // Античная философия: Энциклопедический словарь / редколл.: П.П. Гайденко (председатель), М.А. Солопова (ответственный редактор) и др. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 486–488.
7. Цицерон Марк Туллий. Учение академиков / пер. Н.А. Федорова; коммент., вступ. статья М.М. Сокольской. М.: Индрик, 2004. 320 с.
8. Cicero Marcus Tullius. De inventione [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thelatinlibrary.com/cicero/invention1.shtml> (Дата обращения 18.03.2021).
9. Цицерон Марк Туллий. О нахождении риторики / пер. М.М. Ледащев, П.А. Дуброва. М.: Местечко Сольба: ИП Ледащев С.М., 2020. 176 с.
10. Dante A. La Divina Commedia. Inferno. Roma: Fratelli Spada Editore, 2004. 320 s.
11. Данте А. Божественная Комедия / пер. с итал. Д. Минаева. М.: АСТ, 2018. 800 с.
12. Ведьма и Солнцева сестра // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 1 / изд. подгот. Л.Г. Барг и Н.В. Новиков. М.: Наука, 1984. С. 110–112.
13. Федор Водович и Иван Водович // Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: Тропа Троянова, 1998. С. 71–80.
14. Василиса Прекрасная // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 1 / изд. подгот. Л.Г. Барг и Н.В. Новиков. М.: Наука, 1984. С. 127–132.
15. Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 384 с.
16. Островский А.Н. Лес // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 3 / ред. тома В.Я. Лакшин. М.: Искусство, 1974. С. 250–338.
17. Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. Разряд IV. Лес // Аксаков С.Т. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5 / под общ. ред. С. Машинского. М.: Правда, 1966. С. 228–237.
18. Журавлева А.И., Макеев М.С. Пореформенная Россия Островского. Комедия «Лес» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sobolev.franklang.ru/index.php/seredina-xix-veka/168-zhuravljova-a-i-makeev-m-s-o-pese-les> (Дата обращения 9.10.2020).
19. Греч А.Н. Венок усадьбам / вступ. статья, коммент. Л.Ф. Писарьковой, М.А. Горячевой. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 336 с.
20. Островский А.Н. Деревня // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 10 / ред. тома Е.Г. Холодов. М.: Искусство, 1978. С. 359.
21. Едошина И.А. Поэтика отрицания: Островский, Чехов, абсурдизм // А.П. Чехов и А.Н. Островский. По материалам Пярых международных Скафтымовских чтений (Москва, 3–5 ноября 2017 г.): сб. науч. работ / науч. ред. Е.И. Стрельцова. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2020. С. 359–382.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. III (Муза-Сят). СПб.: Терра-Азбука, 1996. 832 с.
23. Биbihин В.В. Лес. СПб.: Наука, 2011. 425 с.
24. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / сост. и подгот. текста А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого. М.: Русский Мир, 2014. 736 с.

25. Доманский Ю.В. Некоторые наблюдения над ремарками оформления сцены в комедии «Лес» // Щельковские чтения 2006. В мире А.Н. Островского: сб. статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина. Кострома: Авантитул, 2007. С. 93–101.
26. Ищук-Фадеева Н.И. «Лес» А. Островского и лес-сад Чехова // Щельковские чтения 2003. А.Н. Островский в современном мире: сб. статей / науч. ред. и сост. И.А. Едошина. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. С. 153–166.
27. Письмо А.Н. Островского к Ф.А. Бурдину от 17 апреля 1871 г. // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 11 / ред. тома В.Я. Лакшин. М.: Искусство, 1974. С. 349–350.
28. Тихомиров В.В. Комедия А.Н. Островского «Лес»: в поисках героя. Опыт комментария // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 3. С. 84–88.
29. Туниманов В.А. «Древние священные чудовища» (О некоторых истоках «органической критики» Григорьева) // Русская литература. 2002. № 4. С. 89–108.
30. Максимов С.В. [Вступительная заметка] // Крылатые слова по толкованию С. Максимова. 2 изд. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1899. С. XI–XV.
31. Максимов С.В. Крылатые слова // Крылатые слова по толкованию С. Максимова. 2-е изд. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1899. С. 1–8.
32. Ашукин Н.С. О книге С.В. Максимова // Крылатые слова по толкованию С. Максимова / послесл. и примеч. Н.С. Ашукина. М.: ГИХЛ, 1955. С. 389–393.

References

(Sources)

Collected Works

1. Aksakov, S.T. Zapiski ruzheynogo okhotnika Orenburgskoy gubernii. Razryad IV. Les [Notes by rifle hunter of Orenburg province. Category IV. Forest], in Aksakov, S.T. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 5* [Complete works in 5 vol., vol. 5]. Moscow: Pravda, 1966, pp. 228–237.
2. Fedor Vodovich i Ivan Vodovich [Fedor Vodovich and Ivan Vodovich], in *Severnnye skazki. Sbornik N.E. Onchukova: v 2 kn., kn. 1* [Northern fairy tales. Collection of N.E. Onchukov: in 3 book, book 1]. Saint-Petersburg: Tropa Troyanova, 1998, pp. 71–80.
3. Ostrovskiy, A.N. Les [Forest], in Ostrovskiy, A.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 12 t., t. 3* [Complete works in 12 vol., vol. 3]. Moscow: Iskusstvo, 1974, pp. 250–338.
4. Ostrovskiy, A.N. Derevnya [Village], in Ostrovskiy, A.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 12 t., t. 10* [Complete works in 12 vol., vol. 10]. Moscow: Iskusstvo, 1978, p. 359.
5. Pis'mo A.N. Ostrovskogo k F.A. Burdinu ot 17 aprelya 1871 g. [Letter by A.N. Ostrovskij to F.A. Burdin on April 17, 1871], in Ostrovskiy, A.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 12 t., t. 11* [Complete works in 12 vol., vol. 11]. Moscow: Iskusstvo, 1974, pp. 349–350.
6. Smirnova, L. Primechaniya k p'ese «Les» [Notes for play “Forest”], in Ostrovskiy, A.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 12 t., t. 3* [Complete works in 12 vol., vol. 3]. Moscow: Iskusstvo, 1974, pp. 531–545.
7. Vasilisa Prekrasnaya [Vasilisa Beautiful], in *Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: v 3 t., t. 1* [Russian folk tales of A.N. Afanas'jev: in 3 vol., vol. 1]. Moscow: Nauka, 1984, pp. 127–132.
8. Ved'ma i Solntseva sestra [Witch and sun's sister], in *Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: v 3 t., t. 1* [Russian folk tales of A.N. Afanas'jev: in 3 vol., vol. 1]. Moscow: Nauka, 1984, pp. 110–112.

Individual Works

9. Dante, A. La Divina Commedia. Inferno. Roma: Fratelli Spada Editore, 2004. 320 p.
10. Dante, A. *Bozhestvennaya Komediya* [Divine Comedy]. Moscow: AST, 2018. 800 p.
11. Tsitseron, Mark Tulliy. *Uchenie akademikov* [Academician teachings]. Moscow: Indrik, 2004. 320 p.

12. Tsitseron, Mark Tuliу. *O nakhozhenii ritoriki* [On finding rhetoric]. Moscow: Mestechko Sol'ba: IP Ledashchev S.M., 2020. 176 p.

13. Zabelin, I.E. *Dnevnik. Zapisnye knizhki* [Diaries. Notebooks]. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, 2001. 384 p.

(Articles from Scientific Journals)

14. Tikhomirov, V.V. Komediya A.N. Ostrovskogo «Les»: v poiskakh geroya. Opyt kommentariya [Comedy by A.N. Ostrovskij «Forest»: in search of a hero. Commentary experience], in *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 3, pp. 84–88.

15. Tunimanov, V.A. «Drevnie svyashchennye chudovishcha» (O nekotorykh istokakh «organicheskoy kritiki» Grigor'eva) [«Ancient sacred monsters» (On some sources of «organic criticism» by Grigorijev)], in *Russkaya literatura*, 2002, no. 4, pp. 89–108.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

16. Ashukin, N.S. O knige S.V. Maksimova [About book by S. Maksimov], in *Krylatye slova po tolkovaniyu S. Maksimova* [Winged words as interpreted by S. Maksimov]. Moscow: GIKhL, 1955, pp. 389–393.

17. Domanskiy, Yu.V. Nekotorye nablyudeniya nad remarkami oformleniya stseny v komedii «Les» [Some observations on stage design directions in comedy «Forest»], in *Shchelykovskie chteniya 2006. V mire A.N. Ostrovskogo: Sbornik statey* [Shchelykovo readings 2006. In the world of A.N. Ostrovskij: Collection of articles]. Kostroma: Avantitul, 2007, pp. 93–101.

18. Edoshina, I.A. Poetika otritsaniya: Ostrovskiy, Chekhov, absurdizm [The poetics of denial: Ostrovsky, Chekhov, absurdism], in *A.P. Chekhov i A.N. Ostrovskiy. Po materialam Pyatykh mezhduнародnykh Skaftymovskikh chteniy (Moskva, 3–5 noyabrya 2017 g.): Sbornik nauchnykh rabot* [A.P. Chekhov and A.N. Ostrovsky. Based on the materials of the Fifth International Skaftmov Readings (Moscow, November 3–5, 2017): Collection of scientific works]. Moscow: GTsTM im. A.A. Bakhrushina, 2020, pp. 359–382.

19. Fasmer, M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t., t. III* [Etymological Dictionary of Russian language: in 4 vol., vol. III (Mus-Sajt)]. Saint-Petersburg: Terra Azbuka, 1996. 832 p.

20. Ishchuk-Fadeeva, N.I. «Les» A. Ostrovskogo i les-sad Chekhova [A. Ostrovskij's «Forest» and Chekhov's forest-garden], in *Shchelykovskie chteniya 2003. A.N. Ostrovskiy v sovremennom mire: Sbornik statey* [Shchelykovskie readings 2003. A.N. Ostrovskij in modern world: Collection of articles]. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2004, pp. 153–166.

21. Lebedev, A.V. «Metafizika» [«Metaphysics»], in *Antichnaya filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Ancient Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Progress- Traditsiya, 2008, pp. 486–488.

22. Maksimov, S.V. Vstupitel'naya zametka [Introductory note], in *Krylatye slova po tolkovaniyu S. Maksimova* [Winged words as interpreted by S. Maksimov]. Saint-Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina, 1899, pp. XI–XV.

23. Maksimov, S.V. Krylatye slova [Winged words], in *Krylatye slova po tolkovaniyu S. Maksimova* [Winged words as interpreted by S. Maksimov]. Saint-Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina, 1899, pp. 1–8.

(Monographs)

24. Αριστοτέλης. Μετά τα φυσικά. Αθήνα: Πόλις, 2009 (σειρά: «Αρχαίοι Φιλόσοφοι»). 356 σ.

25. Aristotel'. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1934. 348 p.

26. Bibikhin, V.V. *Les* [Forest]. Saint-Petersburg: Nauka, 2011. 425 p.

27. Grech, A.N. *Venok usad'bam* [Manor wreath]. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2006. 336 p.

28. Grigor'ev, A.A. O pravde i iskrennosti v iskusstve [About truth and sincerity in the art], in Grigor'ev, A.A. *Estetika i kritika* [Aesthetics and criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1980, pp. 51–116.

29. Grigor'ev, A.A. Sovremennoe sostoyanie dramaturgii i stseny [The current state of drama and stage], in Grigor'ev, A.A. *Estetika i kritika* [Aesthetics and criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1980, pp. 361–376.

30. Losev, A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [Symbol problem and realistic art]. Moscow: Russkiy Mir", 2014. 736 p.

(Electronic Resources)

31. Cicero Marcus Tullius. *De inventione*. Available at: <https://www.thelatinlibrary.com/cicero/inventione1.shtml> (Data obrashcheniya 18.03.2021)

32. Zhuravleva, A.I., Makeev, M.S. *Poreformennaya Rossiya Ostrovskogo. Komediya «Les»* [Ostrovsky's post-reform Russia. Comedy «Forest»]. Available at: [http://sobolev.franklang.ru/index.php/seredina-xix-veka/168-zhuravl\]jova-a-i-makeev-m-s-o-pese-les](http://sobolev.franklang.ru/index.php/seredina-xix-veka/168-zhuravl]jova-a-i-makeev-m-s-o-pese-les) (data obrashcheniya 9.10.2020).